

ИСТОРИОГРАФИЯ

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

Академик М. Н. Тихомиров

Не приходится доказывать громадное значение письменности для культуры любого народа. Это особенно понятно нам, советским людям, видящим и живо ощущающим беспримерные достижения в культурном развитии в прошлом угнетенных народов царской России. Возрожденные к жизни Великим Октябрем, эти народы достигли ныне вершин культуры.

Одним из крупнейших событий в истории мировой культуры было создание славянского алфавита. Не случайно поэтому вопрос о начале славянской письменности давно уже занимает ученых всего мира, и прежде всего русских, украинских, белорусских, болгарских, чешских и румынских. Однако разрешение его до последнего времени затруднялось тем, что количество памятников, сохранившихся от ранних веков славянской письменности, очень невелико. К тому же многие из них не датированы, что порождает различного рода домыслы о том, когда и где появился данный памятник,— неизбежное следствие наших недостаточных палеографических сведений.

Изучение славянской письменности получило новый толчок, когда ученые обратились к материалам в виде различного рода надписей, которые долго оставались неизвестными и только в последнее время стали достоянием науки. Правда, еще акад. Ф. И. Успенский произвел раскопки болгарской столицы Абобы-Плиски, что дало громадный материал для истории начальной болгарской письменности¹. Но надписи из Абобы-Плиски, опубликованные Ф. И. Успенским, были по преимуществу сделаны греческим алфавитом, а отдельные буквенные начертания, в какой-то степени напоминавшие славянские, остались неразобранными.

Тем большее значение имели новые изыскания на месте древней столицы Болгарии — Преславы, или Великой Преславы, опубликованные в интересной книге Веры Ивановой². В этой книге с большой полнотой изучены древние надписи, преимущественно сделанные кириллицей, причем найденные не только в самой Преславе, но и в других районах Балканского полуострова. Особый интерес представляет надпись X в. на могиле Мостича, которая гласит: «Здесь лежит Мостичь черьгобыля, бывший при Симеоне царе и при царе Петре, восемьдесят лет, оставил черьгобыльство и все имение, был монахом и в том кончил жизнь свою».

Вольный перевод дает, быть может, неточное представление о надписи, поэтому в примечании привожу ее текст, сохраняя по возможности орфографию³.

¹ Об Абобе-Плиске в недавнее время появилась брошюра Д. Кранджалова: Dimitr Krandžalov. Arhitektura budov a stavební materiály v domnělě Plisce (Zvláštní otisk ze Sborníku Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Historie V. 1958).

² Вера Иванова. Надписи на Мостич и преславский эпиграфический материал. София. 1955. См. ее же. Два надписа от Асеновци. Баташовският и Врачанският («Известия на Българския археологически институт», XV. София. 1946).

³ «Съде лежить мостичь чрьгобыля бывшии при Симеоне цари и при Петре цари осмнуже десять летъ сы оставивъ чрьгобыльство и все имение бысть чрьноризьщъ и въ томъ съврши жизнь свою». Вера Иванова. Указ. соч., стр. 52.

В. Иванова подробно останавливается на палеографических особенностях надписи и убедительно показывает, что надпись на надгробной плите Мостича была сделана именно в X веке. «Мостич» — это личное имя, а не фамилия или прозвище. Автор указывает на возможное словопроизводство его от «место», «Местичь». По-русски «местичь» обозначает жителя города или селения. Вместе с тем В. Иванова отмечает и существование племенного названия «Мостици» у лужичан, а также местное название «Мостици» в Греции (провинция Ахайя), которая в свое время была заселена пришлыми славянами. Кажется, второе словопроизводство и должно быть признано более правильным, так как слово «местичь» появляется в наших источниках сравнительно поздно, да и в самой надписи погребенный назван Мостичем.

В. Иванова объясняет слово «чергобыль» (чрьгобыль) как название должности, указывая и на то, что титул или должность чергобыля упоминаются в византийских источниках. Это была военная должность. Самый термин, видимо, надо выводить из праболгарского языка. Вторая частица слова — «быль» — встречается и в староболгарских и в русских памятниках, в частности, в «Слове о полку Игореве», где говорится о черниговских «былях». В этом сближении надписи Мостича со «Словом о полку Игореве» надо, возможно, видеть еще одно напоминание о том, что древнерусский памятник конца XII в. не случайно говорит о Дунае, Траяне и Трояновой тропе. Это указывает на связи староболгарской и древнерусской письменности и фольклора.

В книге В. Ивановой мы найдем снимки, сделанные из других ранних славянских надписей, что само по себе ценно.

Надпись Мостича в Преславе явно перекикается с другой надписью, найденной в Добрудже, которой посвящена специальная статья Д. П. Богдана. Статья помещена в сборнике, издаваемом Ассоциацией славистов Народной Республики Румынии под общим названием «Романославица» («Romanoslavica») ⁴. В 1958 г. было выпущено три тома этого сборника, посвященного IV международному съезду славистов. Нельзя не отметить, что румынское издание является ценным начинанием, показывающим, какая большая работа по изучению румыно-славянских связей ведется в Румынской Народной Республике. Можно только пожалеть, что Академия наук СССР до сих пор не начала (этот упрек относится одинаково и к Отделению исторических наук и к Отделению языка и литературы) издание подобного рода сборников. До сих пор даже не решен вопрос о том, нужен ли специальный журнал, посвященный истории, языку и литературе славянских стран. Обзор «Romanoslavica» не входит в мою задачу, поэтому я постараюсь осветить только те вопросы, которые имеют непосредственное отношение к теме данной статьи и получили отражение в названном сборнике.

Добруджинская надпись открыта румынским ученым Э. Комша при исследовании остатков укрепленного римского лагеря в селе Мирчеводе. Здесь был найден известковый блок с надписью 943 г., начало которой утеряно. Слепок с надписи был получен покойным академиком Б. Д. Грековым и передан мною по его поручению в Государственный исторический музей (в залах которого он, к сожалению, почему-то не выставлен).

Исследование Д. Богдана, посвященное этому камню, представляет собой глубокий палеографический и лингвистический анализ остатков надписи. К счастью, сохранилась дата ее составления: 6451 г. по византийскому летосчислению, то есть 943 год. Тщательный анализ, проведенный Д. Богданом, подтверждает, что надпись действительно относится к X в. и по своим начертаниям похожа на надписи в Преславе и на Гнездовскую надпись того же столетия, найденную Д. А. Авдусиным под Смо-

⁴ «Romanoslavica». Тт. I—III. Бухарест. 1958.

ленском. В переводе и трактовке Д. Богдана надпись звучит следующим образом: «...против греков в 6451 году при Дмитрии Жупане»⁵.

Автор считает, что она была сделана неким болгарским жупаном Дмитрием, который после победы, одержанной им, распорядился соорудить этот памятник. Вероятно, замечает проф. Богдан, речь идет о набеге мадьяр на византийцев через Фракию и Болгарию, имевшем место в апреле 943 г., о котором повествуют византийские летописи (стр. 94).

Соглашаясь с тем, что в надписи говорится о болгарском жупане Дмитрие, я позволю себе предложить некоторую иную трактовку обстоятельств возникновения надписи. Возможно, что имеется в виду тот поход Руси на Византию, который в русской летописи приурочен к 944 году. По свидетельству летописи, русский князь Игорь направился на Византию в ладьях и на конях вместе с союзными печенегами. Он достиг только Дуная и повернул обратно, получив дары от византийского императора. Правда, летопись упоминает и о мадьярском походе 943 г., но настаивать на точности хронологии летописей и хроник, да еще при разнице в один год, очень трудно. Нельзя не обратить внимания на то, что камень найден в Добрудже, где лежал обычный путь русских войск и печенегов, двигавшихся в Болгарию. Надпись, подобная Добруджинской, но только не на славянском, а на греческом алфавите, открыта также у берегов Дуная, в районе древней Силистрии или Дристра. Она была сделана при Феодоре Олгутракане, князе (комите) в Дристре. Добруджинская плита также найдена на севере Болгарии, подвергавшейся многократным нападениям печенегов и русских.

Какими бы ни были, однако, причины установления памятного камня в Добрудже, само его существование крайне показательно. Проф. Богдан совершенно прав, когда называет Добруджинскую надпись древнейшей датированной славянской надписью, сделанной кириллицей. Надписи в Преславе и Добрудже убедительно показывают, что кириллица была распространенным письмом в X столетии.

Открытия в области славянской эпиграфики вызвали появление новых трудов, ставящих своей задачей объяснить историю создания славянских алфавитов. Здесь прежде всего следует остановиться на исследованиях Е. Георгиева.

В своей книге «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия» болгарский ученый доказывает, что кириллица возникла еще до Кирилла и Мефодия, «по тому же примеру, по которому создали свое письмо и финикийцы, и греки, и римляне». Кириллу же и Мефодию принадлежит создание глаголицы, а не кириллицы. «В то время, как Кирилл и Мефодий, а особенно Мефодий,— пишет Е. Георгиев,— распространяют глаголическую письменность в Моравии и Паннии, после официального крещения Болгарии Борисом, некоторые из славяно-болгарских духовных лиц, возведенные Борисом в более высокий сан, с целью противостоять греческому влиянию, и знакомые со славянизированной греческой азбукой, которую теперь называем кириллицей, открывают ей широкий простор в болгарской церкви, в болгарских монастырях и болгарской культуре. Это письмо распространяется все быстрее и быстрее, и скоро Борис его делает официальным болгарским письмом. После смерти Мефодия его ученики переносят в Болгарию и глаголицу»⁶.

Нельзя сказать, чтобы теория Е. Георгиева являлась совершенно новой, что, впрочем, отмечает и сам автор. Уже Шафарик предполагал, что глаголица была изобретена Кириллом и Мефодием, а кириллица, несмотря на свое название, не является произведением славянских перво-

⁵ По возможности передаем эту надпись в орфографии подлинника: «...зи гьрепехъ (в)ъ лето 6451 (п)ри деимитре бѣ ...жоупане». Д. П. Богдан. Добруджинская надпись 943 г. Палеографический и лингвистический очерк. «Romanoslavica». Т. I, стр. 93.

⁶ Проф., д-р Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. Изд. Болгарской академии наук. София, 1952, стр. 83.

учителей. Такой же точки зрения придерживался и русский славист В. Н. Шепкин. Однако книга Георгиева обогащена большим количеством новых данных, до него еще полным образом не освоенных наукой. В частности, исследование Е. Георгиева убедительно свидетельствует о том, что кириллица была распространенным письмом уже в X веке. Автор обосновывает свой взгляд анализом славянских надписей и памятников X—XI веков. Он показывает широкое развитие кириллицы в Болгарии и близкую связь этого письма с греческим алфавитом, отмечая, что греческое мышление и греческий навык писания выявляется в основе некоторых букв.

Свою точку зрения на начало славянской письменности Е. Георгиев изложил и в других работах. Особенно интересен его труд, посвященный школам письменности в средневековой Болгарии⁷. В нем ставится и отчасти разрешается вопрос о характере болгарской письменности на примере ее крупнейших средневековых центров — Преславы и Охриды.

Свой взгляды на начало славянской письменности Е. Георгиев как бы суммировал в докладе («Расцвет славянской письменности в Болгарии в IX веке») на Берлинском совещании славистов⁸. Небольшие размеры доклада и отсутствие аппарата не позволили автору полностью аргументировать свои положения. В этом докладе автор особое внимание обратил на деятельность царя Бориса.

Для доказательства своей гипотезы о происхождении кириллицы Е. Георгиев привлекает как эпиграфические, так и литературные источники: сказания, жития и т. д. Автор рисует Болгарию IX—X вв. как страну с развитой письменностью и литературой, на что указывают произведения «черноризца Храбра» и Иоанна Экзарха. Обоснованным представляется и тезис о том, что развитие болгарской литературы было тесно связано с процессом феодализации. Об этом свидетельствуют уже самый факт принятия христианства и упорное сопротивление христианизации со стороны болгарских старшин, восставших против князя Бориса.

И все-таки вопрос о времени и причинах возникновения двух славянских азбук и глаголицы нельзя признать решенным и после появления трудов Е. Георгиева. Краткая глава о глаголице в его книге не удовлетворяет исследователя, тем более, что тексты, цитируемые в ней, говорят скорее о кириллице, чем о глаголице. Сам «черноризец Храбр» пишет, что Кирилл создал письмена отчасти «по чину греческих писмен», отчасти же «по словенстей речи». «По чину», то есть по порядку, или по образцу греческой азбуки, но с применением букв к славянскому языку. Нельзя согласиться с мнением Е. Георгиева, что жития Кирилла и Мефодия говорят именно о глаголице, так как речь идет о создании «новой» азбуки, а «новой азбукой» может считаться только глаголица, поскольку кириллица настолько сходна с греческой азбукой, что болгарские книжники не стали бы приписывать создание кириллицы Константину-Кириллу». При всем своем сходстве с греческими письменами кириллица была и является особой, новой азбукой: значительная часть ее букв выражает звуки, которые греческая азбука не знала. Если придерживаться взгляда автора на значение термина «новая азбука», то всякая азбука, основанная на русском алфавите, в применении к нерусским народам также не должна считаться новой.

Не ясно также, почему создание кириллицы необходимо приписывать князю Борису. Ведь если ранние славянские надписи, допустим VII или VIII вв., до сих пор не найдены, то это еще не может являться доказательством, что их не существовало. Напомним о тех буквенных знаках,

⁷ Емил Георгиев. Създаването на преславската и охридската книжовни школи в средновековна България. София. 1955.

⁸ Das Aufblühen des slavischen Schrifttums in Bulgarien im IX. Jahrhundert (Vorträge auf der Berliner Slawistentagung. 11.—13. November. 1954. Akademie Verlag. Berlin. 1956).

которые были открыты в Абобе-Плиске. Среди них можно найти варианты некоторых славянских букв. И в надписях болгарских царей, выполненных греческими буквами, имеются слова негреческого происхождения, вероятно, не очень точно переданные греческими буквами.

Неразрешимые противоречия возникнут перед нами, если мы станем приписывать создание глаголицы Кириллу, а кириллицы — творчеству болгарских книжников IX века. Нам нужно будет ответить на вопрос, почему на протяжении веков глаголическая письменность удерживалась именно в Хорватии, тогда как глаголица и кириллица существовали одновременно в самой Болгарии и т. д.

Древние славянские авторы восторженно отзывались о деятельности Кирилла и Мефодия — создателях славянской азбуки. В русской летописи читаем рассказ о начале славянской письменности, восходящий к особому источнику, по крайней мере, XI века. Летописец пишет, что славянская грамота была создана в Моравии, «яже грамота есть в Руси и в Болгарех Дунайских». Что же это была за грамота, созданная в Моравии и одинаковая для Руси и Болгарии? Вероятно, кириллица. Сохранившиеся русские памятники, как правило, написаны не глаголицей, а кириллицей. Когда же были перепутаны названия двух азбук, когда глаголица сделалась кириллицей, а кириллица глаголицей? Этот и другие вопросы, естественно, возникают перед нами, но исчерпывающего ответа на них мы не получаем, в частности, и потому, что источники, рассказывающие о деятельности Кирилла и Мефодия, крайне противоречивы, глубокой же критики их мы еще не имеем. Каждый автор черпает из этих источников, в сущности, те сведения, которые согласуются с его гипотезами.

В пределах краткой рецензии трудно дать развернутую критику гипотезы Е. Георгиева. Отметим только, что некоторые особенности кириллицы заставляют связывать ее именно с деятельностью Кирилла, в частности, наличие в кириллице таких букв, как «ш», которую сам проф. Георгиев считает заимствованной из еврейского алфавита. Последнее легче всего объяснить миссией Кирилла в Хазарию, а не еврейским влиянием в Болгарии. Ссылки Е. Георгиева на библейские имена болгарских царей (Самуил и др.) столь же мало говорят о еврейском влиянии в Болгарии, как и библейские имена новгородских посадников и тысяцких в XIII—XV веках. В частности, имя Авраам (Абрам) принадлежало к числу самых распространенных в русской деревне и нашего столетия.

Критическое отношение к гипотезе Е. Георгиева, конечно, не означает, что она не заслуживает внимания. Автор поднял важные вопросы, связанные с началом славянской письменности, и дал им интересное решение. Будем ждать от этого неутомимого выдающегося исследователя ранней славянской письменности новых трудов.

Е. Георгиев в своих трудах ограничивается пределами Болгарии. Между тем трудно сомневаться в том, что славяне, жившие на территории Византийской империи (а мы знаем о большом количестве славянских поселений в районе Салоник), приняли христианство значительно раньше, чем болгары. Христианство же требовало применения письменности, так как без церковных книг нельзя было производить богослужение.

На славянские области Византийской империи как места создания славянской письменности и обращает внимание проф. И. Дуйчев. В своей статье он говорит о византийско-славянских отношениях и попытках создания славянской азбуки уже в первой половине IX века. И. Дуйчев правильно отмечает громадное значение славянского вопроса в Византийской империи. Приводим резюме его статьи: «Для византийских правителей приобщение к греческому языку, христианской вере и византийской культуре представляло одно из самых верных средств воздействия

на славян в пределах империи или вне ее границ. Эта политика ассимиляции применялась прежде всего к подданным империи — славянам — и дала хорошие результаты. Однако христианизация славян шла исключительно медленно или оказывалась поверхностной и недолговечной. Это происходило главным образом потому, что проповедь и богослужение велись на греческом языке и оставались более или менее непонятными для славянского населения.

Таким образом, византийские церковные и светские власти давно пришли к убеждению, что христианская проповедь и богослужение могут дать результаты только в том случае, если они будут совершаться на соответствующих национальных языках. Такое признание национальных языков привело, вполне естественно, и к признанию необходимости национальной письменности. Византийская империя не признавала вообще теории триязычия, не допускавшей национальные языки в христианскую проповедь и богослужение. Стремления приспособить греческую и латинскую азбуку к языку славян не привели к удовлетворительным результатам. В пространном житии Кирилла указывается, что попытки создания славянской азбуки производились во времена императоров Михаила II и Феофила, как и «многими другими», однако безрезультатно. Константин Философ—Кирилл создал первую оформленную славянскую азбуку — глаголицу, имея в виду христианизаторскую миссионерскую деятельность среди южных славян (то есть около 855 г., как следует толковать указания Черноризца Храброго). Однако обстоятельства заставили использовать ее прежде всего западными великоморавскими и паннонскими славянами. В своей работе над оформлением славянской азбуки Константин Философ, конечно, учел предыдущие попытки приспособления греческого письма как средства выражения славянской речи. Так, первая «устроенная» славянская азбука явилась делом одаренного филолога и знатока славянского и греческого языков, но в то же время утверждала опыт и достижения предыдущих поколений»⁹.

Высказывания проф. Дуйчева ведут, как видим, в совершенно другую область, чем это делалось раньше, — в византийские владения на Балканском полуострове, где жили славяне. Громадное значение славянского элемента на этой территории видно уже из того, что славяне окончательно возобладали в Болгарии в IX в., когда болгары приняли христианство. Поэтому переносить центр тяжести только в пределы собственно Болгарии, полностью игнорируя славян Византийской империи, не представляется достаточно обоснованным. В сущности, миссия Кирилла и Мефодия исходила из мысли о необходимости вести церковную службу для славян на родном языке, без чего христианизация была бы крайне затруднена. Не надо забывать и того, что в пределах Византийской империи для славян были изданы особые законы. В. В. Васильевский, а вслед за ним и современные советские ученые отмечают, что такие византийские юридические памятники, как Эклога, отразили некоторые особенности славянской жизни. Поэтому статья проф. Дуйчева вызывает не только большой интерес, но и заново ставит вопрос о целом ряде памятников подобного типа, как, например, Закон Судный людем, который, по моему мнению, высказанному еще до появления статьи проф. Дуйчева, мог возникнуть в болгарской среде, но не обязательно в Болгарском царстве.

Новейшие труды болгарских ученых подводят нас к мысли о том, что письменность у славян, как и у других народов, не была плодом работы одного гениального творца и не могла появиться на пустом месте.

⁹ И. Дуйчев. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянска азбука през първата половина на IX век («Известия на Института за Българска история», № 7. София. 1957, стр. 264—265).

В этом смысле весьма интересна статья Ф. Реппа, дающая много материала для суждения о культурной обстановке, в которой развивалась деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии¹⁰. Становятся ясными и причины позднейшего торжества латинской письменности в пределах Чехии и Моравии. Впрочем, нельзя не пожалеть, что автор не учел некоторых русских работ, выпущенных даже в дореволюционное время, в первую очередь книгу проф. Суворова о следах западноевропейского влияния в русской письменности. Вопрос о западном, латинском влиянии на славянскую письменность имеет гораздо больший интерес, чем ему обычно придается. Вот почему и сопоставление некоторых славянских и германских памятников, проведенное Ф. Реппом, весьма полезно.

Широкое распространение славянской письменности в пределах Юго-Восточной Европы было фактом исключительного культурного значения. В этом смысле интересна статья П. Олтяну «О зачатках славянской культуры в северной Трансильвании и в Марамуреше»¹¹. Автор убедительно показывает ту огромную роль славянской письменности, которую она сыграла в Трансильвании. Отметим в том же томе и ценную статью Вал. Костэкела «Общность терминологии «Русской Правды» и румынских средневековых памятников»¹².

Тщательное изучение надписей в соединении с археологическими и лингвистическими исследованиями многое объяснит в начальной славянской письменности. В связи с этим следует указать на пристальное внимание болгарских и румынских ученых к ранним славянским памятникам. Так, проф. Б. Ангелов напечатал краткое житие Кирилла Философа, имеющее большой интерес и требующее специального изучения¹³.

В самом деле, многие источники по истории деятельности Кирилла и Мефодия до сих пор еще внимательно не изучены. Вероятно, этим объясняются странные противоречия, которые имеются в трудах ученых, иногда по-разному трактующих одно и то же известие. Возьмем для примера известие о том, что Константин (Кирилл) нашел в Херсоне евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами. Е. Георгиев считает эти письма русскими, то есть принадлежащими русским, или восточным, славянам. Тогда становится понятным, каким образом Кирилл быстро овладел русским языком, на котором написаны были евангелие и псалтырь. Ф. Репп придерживается старого мнения, что Кирилл нашел готские письма. Он исходит из мысли, что русскими в Крыму IX столетия могли быть только готы. Таким образом, Ф. Репп практически защищает так называемую готскую теорию происхождения Руси, не замечая того, какие серьезные и ошибочные выводы следуют из такого заключения.

Между тем почему нельзя допустить возможность существования в Крыму в IX в. несовершенных славянских писмен, выраженных хотя бы теми же греческими буквами? Ведь договоры русских князей с византийскими императорами говорят о заинтересованности Руси в делах Херсонеса («Корсунской страны»). К тому же, если даже признать невозможность существования «русской» славянской азбуки в IX в., то разве нельзя допустить наличия анахронизма в самом памятнике? Если евангелие и псалтырь были написаны готскими письменами, то возникает вопрос: каким образом за свое короткое пребывание в Крыму Кирилл усвоил готский язык, с которым он прежде не был знаком? Во всяком случае, нужно как-то более внимательно оценить достоверность изве-

¹⁰ Deutsch-slavische Kultur-beziehungen auf dem Raume Österreichs vor Kirill und Method (Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, 11.—13. November. 1954. Akademie-Verlag. Berlin. 1956).

¹¹ «Romanoslavica» Т. I, стр. 169—197.

¹² Там же, стр. 73—87.

¹³ Боню Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София. 1958.

ствия об евангелии и псалтыри, которые были написаны русскими письменами в Крыму в IX в., основываясь и на археологическом материале. Ведь раскопки в Херсонесе обнаружили существование каких-то знаков на кирпичах и черепице, отчасти сходных с кирилловскими буквами, в частности с малым и большим юсами.

Чрезвычайный интерес к такому громадному культурному перевороту, каким явилась славянская письменность в кирилловском начертании, лежащая в основе русского, болгарского, украинского, белорусского, сербского алфавитов и долгое время лежавшая в основе первоначальной румынской письменности, заставляет с особым вниманием отнестись к начальному периоду славянской письменной культуры. Далеки от нас времена славянских первоучителей — Кирилла и Мефодия, малопонятны старинные сочинения русских и болгарских писателей, подобных Иоанну Экзарху или Илариону Киевскому, но «Слово о полку Игореве» уже близко и современным читателям как замечательное произведение средневековой поэзии.

Появление письменности на Руси было великим прогрессом, который в свое время отметил русский писатель XI в., составивший похвалу книжному учению и сравнивший книги с источниками мудрости. К сожалению, этими первоначальными источниками мудрости в настоящее время мы занимаемся чересчур слабо. Замечательные эпиграфические памятники, привезенные с Северного Кавказа два-три года тому назад, до сих пор остаются неизученными. Недавно я получил письмо от З. Р. Пчелиной, в котором рассказывается о том, что крест с надписью XI в. валяется разбитым на дворе Ставропольского музея, и т. д., и т. д.

Не пора ли Академии наук СССР серьезно подумать о русской эпиграфике? Работу по составлению корпуса Боспорских надписей на греческом и латинском языках возглавляет крупнейший специалист — акад. В. В. Струве. А кто стоит во главе славянской эпиграфики, кто ее направляет, кто ею интересуется? Вот тот вопрос, который хотелось бы задать соответствующим организациям. Неужели сейчас, в эпоху атомной энергии, реактивных самолетов, железных дорог и автомобилей, привезти плиту или крест с надписью труднее, чем в конце XVIII в., когда русская историческая наука впервые познакомилась со знаменитым тмутараканским камнем?

